

Хотя слуги больше не решались силой тащить Ло Чжэна, он всё равно исправно являлся в тренировочный зал.

Несмотря на то, что его сердце переполняла злость на порядки, царившие в семье, Ло Чжэн не мог отрицать, что его дяди, занявшие место отца, не были образцом законопослушности. Их сыновья, такие как Ло Пэйжан и Ло Чэньюнь, вовсе плевать хотели на семейные устои. Именно поэтому кучка ничтожных слуг посмела так нагло себя вести.

Но если кто-то другой нарушал правила, это не значило, что и Ло Чжэн должен был поступать так же. Дело было не в глупой приверженности традициям, а в принципах.

Атмосфера в тренировочном зале сегодня разительно отличалась от привычной.

Весть о том, как Ло Чжэн избил главного управляющего Хуан Гэ и управляющего Фан Цуна, разнеслась по всему поместью.

Два года назад, после того как на него пало клеймо предателя, Ло Чжэн, словно кроткий агнёнок, безропотно сносил все побои и издевательства.

Все уже успели забыть, что когда-то он был наследником рода Ло. Забыли и о том, что он достиг уровня Закалки Плоты.

Теперь же отрезвлённые юнцы из рода Ло начали понимать, что покорность Ло Чжэна не значала, что любой может безнаказанно его бить. Дети рода Ло могли делать это лишь потому, что они носили ту же фамилию.

Но это не давало такого права никому другому!

Именно поэтому сегодня в глазах юношей из рода Ло читалась не привычная надменность, а страх перед Ло Чжэном. Когда наставник велел им выбрать себе противников, никто не осмелился подойти к нему.

На лице Ло Чжэна появилась горькая усмешка. Это было совсем не то, чего он хотел...

Сейчас ему как воздух были необходимы тренировки, чтобы укрепить своё тело, но отпрыски рода Ло, напуганные его внезапной вспышкой, просто игнорировали его. Разве это не абсурд?

Не мог же он подойти к ним и сказать: «Эй, ребята, побейте меня как следует, мне это очень нужно!»

Глядя, как расхватывают других «живых мишеней», Ло Чжэн остался в одиночестве. Его раздражало малодушие этих юношей!

Он подошёл к Ло Далуну, который яростно колотил тренировочный манекен.

— Далун, что толку бить по куску камня? Давай лучше я с тобой потренируюсь, — предложил Ло Чжэн.

— Но... — даже простодушный Ло Далун смутился и замялся на месте.

— Я ведь «живая мишень». Кто же, как не я, должен с тобой тренироваться? Не бойся, этот кожаный панцирь надёжно защищает, — Ло Чжэн ободряюще похлопал себя по груди.

После таких слов Ло Далун просто не мог отказаться, иначе его сочли бы трусом. Хотя, если

честно, ему очень не хотелось связываться с Ло Чжэном.

Ло Далун старался бить осторожно, боясь причинить Ло Чжэну боль. Вместо привычных десяти долей силы он вкладывал в удары не больше пяти-шести.

От таких мягких ударов было мало толку, и Ло Чжэн остался недоволен.

— Сильнее бей! Не сдерживайся!

— Ты слишком медленный! Чего ты боишься?

— Что за удар? Вчера ты бил куда лучше!

Наблюдая, как «живая мишень» наставляет своего мучителя, юнцы из рода Ло от удивления разинули рты. Они никак не могли понять, что творилось в голове у Ло Чжэна.

Но Ло Далун перестал ломать голову над этим. Подбадриваемый Ло Чжэном, он постепенно осмелел. Его движения стали увереннее, удары — сильнее.

Бам! Бам! Бам!

Мощные удары обрушивались на тело Ло Чжэна, заставляя его кости вибрировать. Потoki энергии проникали внутрь, очищая их от всего лишнего.

С каждым ударом его кости становились крепче, а тело — сильнее.

Эта боль была для него слаще мёда, ведь она делала его сильнее. Несмотря на страдания, которые он изображал на лице, в душе Ло Чжэн ликовал: «Ещё! Бейте меня ещё сильнее!»

Песок в песочных часах, отмеряющих время тренировки, почти полностью пересыпался. Три часа пролетели незаметно.

Слуги принесли еду. И изнурённым тренировкой юнцам, и избитым «живым мишеням» требовалось восстановить силы. Но если молодым господам подали изысканные блюда, то рабам досталась лишь вода и черствый хлеб...

После трёх часов избиения Ло Чжэн был голоден как волк. Он не обращал внимания на грубую пищу и уже хотел было впиться зубами в черствую лепёшку.

Но тут перед ним возникла фарфоровая чаша, полная аппетитных кусков мяса, от которых поднимался пар.

Ло Чжэн поднял глаза и увидел Ло Далуна, протягивавшего ему свою порцию.

— Ешь, — смущённо пробормотал тот.

Ло Чжэн не стал отказываться. Он жадно проглотил предложенное угощение. С тех пор, как он стал «живой мишенью», ему ещё не доводилось есть такой вкусной еды.

— Ты избил Хуан Гэ. Второй молодой господин этого так не оставит, — тихо проговорил Ло Далун.

Ло Чжэн, не переставая жевать, кивнул. Он прекрасно понимал, о чём говорил Ло Далун, и был благодарен ему за предупреждение.

Он ведь когда-то был наследником и знал всё, что творилось в семье, куда лучше, чем Ло Далун и другие побочные отпрыски рода.

Если его дяди до сих пор терпели его существование, то лишь потому, что считали его слишком слабым, чтобы представлять угрозу. Он был для них всего лишь ничтожным муравьём.

Но стоило этому муравью хоть немного укусить их, как они без колебаний раздавили бы его.

— Да и чёрт с ним, с этим старым ублюдком! Давно пора было проучить его! — со злостью в голосе проговорил Ло Далун.

И он был не одинок в своих чувствах. Почти все юноши из рода Ло, за исключением, разумеется, сыновей и внуков новых хозяев поместья, были рады тому, что кто-то посмел бросить вызов Хуан Гэ.

Они не говорили об этом вслух, как Ло Далун, но их глаза говорили сами за себя.

За последние два года новые хозяева поместья, пришедшие к власти после смерти отца Ло Чжэна, успели проявить себя во всей красе. Они урезали жалование, выдаваемое представителям боковых ветвей рода, сократили количество лекарственных пилюль, необходимых для тренировок, да и вообще вели себя так, словно весь мир был у их ног. А горстка ничтожных слуг и вовсе возомнила себя хозяевами жизни. Разве это справедливо?

Почти все ресурсы и внимание доставались лишь Ло Пэйжану и Ло Чэньюню, в то время как остальные отпрыски рода были вынуждены довольствоваться крохами.

Все они вспоминали то время, когда поместьем управлял отец Ло Чжэна. Да, тогда царили строгие порядки, но зато в семье не было столько интриг и подлости, слуги не смели и слова поперёк сказать своим господам, а главное — ко всем относились справедливо!

Увы, те славные деньки остались в прошлом.

Даже эти воспоминания приходилось хранить глубоко в сердце, боясь высказать их вслух. Ведь любой неосторожный намёк мог быть истолкован как нарушение «семейных устоев» и повлечь за собой суровое наказание.

«Этот род уже прогнал на корню! — с горечью подумал Ло Чжэн. — Если у меня появится шанс, если я стану достаточно сильным, я вырву этот гнойник с мясом!»

У роскошного особняка, принадлежавшего третьей ветви рода Ло, разыгрывалась сцена, достойная дешёвого театра.

Весь в бинтах, с перевязанной головой, из которой виднелись лишь нос, глаза и рот, на землю рухнул Хуан Гэ.

— Молодой господин Чэньюнь! Восстановите справедливость! Спасите меня! — вопил он истошным голосом.

Перед Хуан Гэ, развалившись в кресле, сидел юноша в голубом шёлковом одеянии. С первого взгляда он мог показаться писанным красавцем, если бы не надменное и жестокое выражение

его лица. Это был Ло Чэньюнь, второй молодой господин рода Ло.

— Слышал я, ты хотел сделать Ло Чжэна своим личным слугой. Решил, что он будет тебя обслуживать? — насмешливо протянул Ло Чэньюнь.

— Нет, молодой господин, это неправда! — с жаром принялся оправдываться Хуан Гэ.

Но Ло Чэньюнь и слушать его не стал.

— Да, Ло Чжэн сейчас раб, — рассмеялся он. — Но он всё же носитель нашей славной фамилии, бывший наследник рода Ло. Даже я не могу просто так сделать его своим слугой. У тебя, видно, совсем крыша поехала от такой мысли. Так что ты сам виноват в том, что случилось.

Хуан Гэ со стуком приложился лбом к полу.

— Молодой господин, я был неправ! Но вы должны мне помочь... — простонал он, незаметно подавая знак рукой стоявшей рядом женщине.

Та, не проронив ни слова, подошла к нему и опустилась рядом на колени.

Это была жена Хуан Гэ, женщина лет сорока. Она была кормилицей Ло Чэньюня и с детства заботилась о нём, заменив ему рано умершую мать. Между ними существовала незримая, но очень прочная связь.

— Матушка, не стоит, встаньте, — поспешно произнёс Ло Чэньюнь. — Хуан Гэ, и ты поднимайся.

— Молодой господин, вы... Вы согласны нам помочь? — голос управляющего дрогнул от волнения.

Ло Чэньюнь поднялся с кресла и сделал несколько шагов по комнате.

— Брат Пэйжан сказал, что оставил Ло Чжэна в живых лишь для того, чтобы тот мучился, наблюдая за его триумфом. Впрочем, Ло Чжэн нам не страшен. Брат скоро отправится в школу Лазурного Облака, так что я избавлю его от этой обузы.

— Благодарю вас, молодой господин! — прошептал Хуан Гэ, и его изуродованное лицо расплылось в хищной улыбке.

— Но не сейчас, — задумчиво проговорил Ло Чэньюнь. — Я только что принял последнюю Пилюлю Небесного Преображения. В ближайший месяц я буду в затворничестве, чтобы сила пилюли полностью усвоилась моим телом. Так что подождём до Дня Родовой Проверки. Я вызову его на поединок и лично убью!

Его лицо искажила гримаса ярости.

День Испытания — это день, когда юные отпрыски рода Ло демонстрировали свои достижения в боевых искусствах. В этот день старейшины оценивали их успехи и награждали самых достойных.

Для «живых мишеней» этот день был единственным шансом вырваться на свободу.

Если кому-то из них удавалось выжить в поединке, он получал свободу.

Даже самый жалкий раб мечтал о свободе. Без этой надежды, без малейшего проблеска света в конце тоннеля, они бы быстро сломались под гнётом ежедневных побоев и унижений.

Это правило было придумано для того, чтобы вселить в сердца «живых мишеней» надежду. Надежду на то, что в День Испытания они смогут выдержать бой, обрести свободу и навсегда покинуть это проклятое место.

Однако сам по себе этот «бой» был издевательской насмешкой. Измученные, больные, полуживые после бесконечных избиений, как они могли противостоять сильным и ловким воинам из числа молодых господ Ло?

Несчётное количество рабов погибло в этот день. Ведь для юных господ это был не просто бой, а возможность выслужиться перед старейшинами, получить награду, доказать своё превосходство. И бились они в полную силу, не щадя своих противников.

— Да, молодой господин! Пусть этот ублюдок Ло Чжэн поживёт ещё месяц! — прогнусавил Хуан Гэ и, несколько раз коснувшись лбом пола, поднялся с колен. В его глазах горел огонь ненависти.

Когда Ло Чэнъюнь удалился, женщина, всё это время молча наблюдавшая за ними, обратилась к мужу:

— Этот юноша, Ло Чжэн, тоже ведь человек. Зачем ты хочешь его смерти? Да, он поступил плохо, ударив тебя. Но разве нельзя найти более мягкое наказание, чтобы преподать ему урок?

— Ты, баба, рассуждаешь, как и положено бабам, — грубо оборвал её Хуан Гэ. — О чём ты вообще можешь судить?

Оскорблённая женщина хотела что-то возразить, но лишь тяжело вздохнула и замолчала.

<http://tl.rulate.ru/book/51459/4299807>